

ную роль и не его недостаток обусловил падение Рады. Едва лишь созданное Украинское государство изначально подтачивали и ослабляли повсеместно возникшие одновременно с ним Советы¹⁷⁶. Пользующиеся поддержкой значительной части населения, имевшими в своём распоряжении отряды вооружённых рабочих, а зачастую и части гарнизона. Главное – получившие вполне осязаемую власть и вовсе не желавшие с ней расставаться.

Что же касается войск, то и они, даже и украинизированные, после развала армии были пронизаны влиянием солдатских комитетов, проникнуты духом «нейтралитета» и воевать не желали. Лишь добровольческие подразделения сражались до конца, но их усилий, как и на Юге России, оказалось явно недостаточно...

Тем не менее, части, верные Раде, в Киеве была разбиты, но не уничтожены полностью. Брест-Литовское шоссе во время штурма никем не охранялось. Если бы оно было своевременно перерезано советскими войсками, кольцо окружения вокруг Киева неизбежно замкнулось. Но и 26 и 27 января остатки украинских полков отходили на Житомир по узкому коридору. С севера от него, буквально в нескольких километрах стояли отряды Берзина, с юга – Егорова. Более того, части 2-го Гвардейского корпуса заняли к этому времени Фастов и также могли, казалось, нанести последний сокрушительный удар.

Однако этого не последовало¹⁷⁷. И дело тут не только и не

¹⁷⁶ И здесь действительно просматривается аналогия с ситуацией в Центральной Россией, где во многом по этой же причине в несколько дней захлебнулось Корниловское выступление и пало правительство Керенского. Любые попытки выступить в их защиту были немедленно парализованы Советами, как в центре, так и на местах. Любопытно в этом отношении донесение, направленное Раде Уполномоченным Волынской губернии Копе, характеризующем ситуацию в Дубно. «В городе ожидалось столкновение между большевиками и украинцами, – сообщал он. – Одновременно действуют – или вернее бездействуют – комиссариат, Рада, большевистский военно-революционный комитет и милиция, без всякого контакта и согласия...» И подобное положение вещей было характерным практически для всех губернских и уездных городов Украины.

¹⁷⁷ Лишь к 3(17) февраля части корпуса продвинулись к Бердичеву. Комиссар Юго-Западного фронта Н.Н. Кузьмин докладывал Подвойскому: «Бердичев взят. Один убит и 8 раненых, взято пять броневиков и батарея. По сведениям, Центральная рада из Житомира хочет бежать на Луцк, Дубно, Ровно. Сарны в наших руках. Из Бердичева и Коростеня предпринимают операции на Житомир. Городское самоуправление и гарнизон Житомира просят раду убраться...»

столько во вспыхнувшем конфликте с нейтральными полками гарнизона, потребовавшем отвлечения немалого количества войск, сколько в недооценке всех возможных последствий незавершённости проведённой операции. Красногвардейцы были уверены, что со взятием Киева победа будет обеспечена и военные действия прекратятся сами собой. Того же мнения придерживалось большинство командного состава, не исключая и Муравьёва. Во всяком случае, прежней решительности в последние дни боёв он не проявил. Окружение Киева в приказах обозначалось, но настойчивости при выполнении этих приказов явно не хватало. Что же касается «червонных казаков» Примакова, то отряду в пару сотен сабель было просто не под силу не только разгромить, но даже и задержать многотысячную колонну сохранивших боеспособность украинских войск.

Вскоре Муравьёв по прямому проводу докладывал Ленину: «Сообщаю, дорогой Владимир Ильич, что порядок в городе восстановлен... Разоружённый город приходит понемногу в нормальное положение до бомбардировки... Остатки войск Рады отступили на Житомир, где Петлюра и Порш вербуют из гимназистов дружину, но, конечно, *мы не придаём этому значения...*»

И вот что пишет, будто отвечая ему, Антонов-Овсеенко: «...характерно и другое – это ошибка в оценке дальнейшей роли Центральной Рады. В этом, впрочем, просчитался не один Муравьёв. Мы на Украине тогда все не были в курсе той политики, которую немцы вели по отношению к Украинской Раде...

...8 февраля Рада бежала из Киева в Житомир, и преследование её не было толком организовано. А уже 9-го¹⁷⁸ Центр. Рада подписала с немцами сепаратный мир...»

8.3.4.7. Донецко-Криворожская республика

Своими необдуманными действиями Муравьёв в короткий срок настроил против себя решительно всех. К ставшей уже привычной бесцеремонности добавилось и нечто иное. Муравьёв совершенно не учитывал того, что Киев – не один из провинциальных городов средней полосы, а столица заявлявшей о

¹⁷⁸ Соответственно, 26 и 27 января 1918 г. по старому стилю.

претензии на суверенитет огромной территории. Однако этого Муравьёв в расчёт не принимал и действовал соответственно.

Вот, например, что в частности предписывалось производить в занятом городе¹⁷⁹: «...войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожать всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции. Части, которые держали нейтралитет, должны быть немедленно расформированы, их имущество передать в военно-революционный комитет гор. Киева. Командующему 1-ой армии Егорову взять на себя организацию Киевской красной гвардии...»

«Этот приказ, – пишет Антонов-Овсеенко, – был издан, конечно, без согласования с представителями Украинского советского правительства и сразу своим тоном и распоряжением о бессудной расправе со всеми подозрительными личностями взволновал нашу партийную организацию и советские власти. Поступки Муравьёва имели тем более отрицательное значение, что он был в глазах киевлян «оккупантом» – пришельцем с советского севера...»

Сложившуюся весьма неприглядную репутацию «командующего» лишь укрепила и усилила многодневная, зачастую, совершенно бессмысленная, артиллерийская бомбардировка городских кварталов, а также, и контрибуция в 10 миллионов рублей, наложенная Муравьёвым на горожан¹⁸⁰.

На этой почве конфликт между ЦИК Ук и военными властями неизбежно разрастался. В «Вестнике Украинской народной ре-

¹⁷⁹ Приказ № 9 от 22 января 1918 г.

¹⁸⁰ Следует, впрочем, отметить, что Муравьёв не имел личных интересов, а добивался поставленной цели теми средствами, которые казались ему наиболее целесообразными, и далеко не все оценивали его деятельность столь однозначно. Вот, например, что пишет по этому поводу Д. Эрэд: «...Киев всё ещё носил на себе следы недавнего господства контрреволюционных сил, которые только на время скрылись в подполье. В рассматриваемый период Киев был буквально наводнён офицерством, нахлынувшим сюда с фронта и из Питера. Муравьёв чересчур резко и бестактно, но в сущности правильно, ставил вопрос об обуздании этих элементов. Другое дело, насколько Муравьёв мог справиться с этой задачей. Народный Секретариат не питал к этому, безусловно, храброму, но политически невыдержанному, с оттенком хлестаковщины, солдату необходимого доверия и хотел только одного, чтобы Муравьёв поскорее убрался из Киева».

спублики» был опубликован текст переговоров Ю.М. Коцюбинского с Харьковом, в котором прямо говорилось о том, что все политические заявления Муравьёва не имеют никакой силы. Тем самым ставились под сомнения и его полномочия как главнокомандующего. В свою очередь Муравьёв публично выступал с обвинениями в адрес Коцюбинского и Народного секретариата в целом «в разложении армии и узком национализме».

30 января Советское правительство Украины прибыло из Харькова в Киев¹⁸¹. В тот же день президиум ЦИК разослал телеграмму, в которой сообщал о том, что «...народная власть... в лице Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов и выделенного им из себя Народного Секретариата, вступила в свои законные права и овладела всем аппаратом управления Республики...»

Ещё 28 января Киевский Совет принял резолюцию, в которой осуждал самочинные обыски и аресты и «убийства безоружных людей». Теперь же исполком, информирующий Народный секретариат о положении в Киеве, прямо поставил вопрос о немедленном удалении Муравьёва со штабом из города. Муравьёв тут же издал приказ по армии, запрещающий обыски и самосуды, но было очевидно, что расставленные им коменданты и комиссары ни с кем, кроме своего непосредственного начальника считаться не собираются¹⁸², и конфликт уладить вряд ли удастся.

¹⁸¹ Любопытно, что не все поддерживали переезд. «Часть народных секретарей, – пишет Е. Бош, – решительно высказалась против немедленного переезда, указывая, что Киев, в первое время, будет военным лагерем, и все силы там нужно будет отдать на охрану и оборону города и на организацию и укрепление фронта против Петлюры, находившегося всего в 20–30 верстах от Киева... Вследствие этого предлагали выждать с переездом правительства, а в Киеве пока оставить тех трёх народных секретарей, которые ранее были откомандированы политическими представителями ЦИК Сов. Украины...» Всё же большинство народных секретарей прекрасно понимали, что, если ЦИК Ук продолжает претендовать на осуществление властных полномочий во всей Украине, ему следует располагаться в столице. Не последнюю роль сыграли и весьма натянутые отношения с «харьковскими товарищами». Так или иначе, но 27 января решение большинством голосов было принято, и 29 января Советское правительство Украины выехало в Киев.

¹⁸² «Штаб Муравьёва расположился в центре города, – пишет Е. Бош, – и, не считаясь совершенно с постановлениями Исполкома Киевского Совета Раб. и Солд. Депутатов и Ревкома, наводил порядок в городе по-своему. При-

Причина его, вне всякого сомнения, крылась в нежелании каждой из сторон поступиться властью. ЦИК Ук требовал подчинения себе военного руководства, Антонов-Овсеенко и Муравьёв резко возражали. Петроград, обычно поддерживавший все начинания Антонова-Овсеенко, склонялся на сторону ЦИК Ук. Впрочем, и так было понятно, что Муравьёв в Киеве ужиться с Народным секретариатом не сможет. К тому же, узнав о том, что из состава его войск будет изъята для перемещения на Дон армия Егорова, Муравьёв вновь впал в апатию. Он отстранился от дел и направил Антонову-Овсеенко телеграмму, заканчивающуюся словами: «...я всё пошлю вам и останусь один, никого и ничего не надо».

Взвесив все обстоятельства, Антонов-Овсеенко рекомендовал Совнаркому назначить Муравьёва главнокомандующим на неожиданно открывшемся в Бессарабии новом фронте. Народный секретариат тут же опротестовал это назначение, но Ленин в данном конкретном случае с Антоновым-Овсеенко согласился. 4(17) февраля он по телеграфу предоставил Муравьёву соответствующие полномочия. Думается, такое решение устроило всех.

казами штаба Муравьёва, сыпавшимися, как из рога изобилия, заклеивались буквально все свободные места на зданиях и телеграфных столбах. Приказы большей частью шли вразрез с постановлениями местной Советской власти. А по улицам города раскатывал на автомобиле Ремнёв – весьма сомнительный субъект, пролезший в штаб Муравьёва – с вооруженной группой и, держа винтовки наизготовку, останавливали извозчиков и автомобили, требуя от имени Советской власти предъявлять документы и сдать оружие, если таковое имеется. Этим налётам подвергались не только обыватели, но и ответственные советские работники. В первый же день приезда в Киев, возвращаясь с заседания Исполкома, мы были остановлены мчавшимся на нас автомобилем, с которого неслись грозные крики: «Стой, или будем стрелять!». Нас окружила группа человек в 5–6 вооружённых людей, направив в упор на нас оружие. На наш вопрос: «В чём дело?», последовал приказ: «Руки вверх!», а к нам подошёл сам Ремнёв. После осмотра наших документов, самочинная «охрана» быстро вскочила в автомобиль и полным ходом умчалась...»

Каждый, разумеется, вправе сам определять, что вызывало большое неудовольствие, проверка документов на улицах только что занятого города, либо «самочинность охраны» и то, что наряду с обывателями этой процедуре были подвергнуты и «ответственные советские работники».

Уже находясь в Одессе, Муравьёв продолжал перепалку с Народным секретариатом, но там власть ЦИК Ук носила лишь формальный характер. Куда большие проблемы возникли у вновь назначенного Главнокомандующего с Румчеродом. В Одессе Муравьёв, отбросивший вскоре румын за Днестр, пережил как очередной взлёт, так и последовавшее за ним горькое разочарование¹⁸³. Пути его с Антоновым-Овсеенко после этого разошлись и на этот раз уже навсегда...

Наладившиеся было отношения между Народным секретариатом и Антоновым-Овсеенко, между тем, ухудшились. Поставленные последним на станции железнодорожные и в уездные города продовольственные комиссары, так же, как и Муравьёв, действовали на свой страх и риск и при выборе средств особо не церемонились. Назначенная ещё до переезда в Киев секретарём по внутренним делам Е. Бош, не считав даже нужным уведомить о своём решении Антонова-Овсеенко, распорядилась лишить их полномочий¹⁸⁴. Справедливо

¹⁸³ «Впоследствии, когда началось немецкое наступление, – пишет Антонов-Овсеенко, – и Одесса была сдана самым подлым образом немцам (Муравьёв своей бестактностью немало этому содействовал), он совсем увял. Приглашённый мною в начальники штаба, он уклонился, по-видимому, обиженный в своём честолюбии, и уехал в Москву, где впоследствии и был арестован. Арестовали его, кажется, подозревая в сочувствии к анархистам, к которым он и на деле немного склонялся. Выпустили его под поручительство 13 видных членов партии, в том числе и моё, и под личную расписку Муралова и ещё кое-кого. Муралов предупредил Троцкого о невозможности посылать сейчас Муравьёва на фронт, предлагая дать ему передохнуть. Но, в силу моего отказа взять на себя командование против Чехо-словаков... Муравьёв был назначен на этот важный фронт... Но я весьма сомневался, уживётся ли Муравьёв с комиссарами, поставленными бок о бок с ним... Муравьёв не ужился. За пару дней до своего трагического выступления, при котором он был убит, он прислал Муралову и мне письмо, в котором ясно сквозит крайнее раздражение этой опекой, которая была назначена над ним, и чувствуется горькая обида за проявленную к нему, по его мнению, несправедливость.

Полагаю, что больше всего стремление сбросить эту опеку и играть независимую роль руководило этим авантюристом, когда он пытался бросить армии наши против немцев...»

¹⁸⁴ При этом значительная часть претензий высказывалась в адрес всё того же Шарова, который по мнению Антонова-Овсеенко, будучи назначен комиссаром Изюмского уезда, справлялся лучше многих других и поставленные задачи по изъятию продовольствия для нужд армии и Центра старался выполнять.

полагая, что без сопротивления устранить их не удастся, она доложила «о самоуправстве военных» в Петроград. Ленин предлагал улаживать все недоразумения на месте и искать компромисс¹⁸⁵, к которому в итоге и пришли. Большинство комиссаров было Антоновым-Овсеенко отозвано, их место заняли вновь созданные смешанные комиссии. В том же ключе были разрешены «недоразумения», вызванные настойчивыми попытками ЦИК Ук ограничить сложившиеся властные полномочия штаба советских войск в Харькове и военного коменданта города Войцеховского.

Последним, неожиданно громким, аккордом этих нескольких дней триумфа Советов в Украине явились действия «харьковских товарищей». В исполкоме Харьковского Совета заявление ЦИК Ук о вступлении им «в законные права», закрепляющее суверенитет власти Народного секретариата на всей территории Украины, восприняли однозначно.

Подчиняться ещё кому бы то ни было областные власти, имевшие устоявшийся аппарат управления и свои вооружённые отряды, не желали категорически. И если понимание того факта, что в одиночку и изолированно не проживёшь и, имело место, то это вовсе не означало, что, безусловно признавая властные полномочия Совнаркома, как центральной власти, и отчасти военных, Совет должен также признать своё подчинённое положение по отношению к ЦИК Ук. Не последнюю роль при этом играли сложившиеся как между этими учреждениями в целом, так и их представителями весьма негативные, почти враждебные отношения.

Пока ЦИК Ук располагался в Харькове и во многом зависел от местных властей, никому в Народном секретариате и в го-

¹⁸⁵ «..Ради бога, приложите все усилия, – говорилось в отправленной Лениным 21 января телеграмме, – чтобы все и всяческие трения с ЦИК (харьковским) устранить. Это архиважно в государственном отношении. Ради бога, помирись с ними и признайте за ними всяческий суверенитет. Комиссаров, которых Вы назначили, убедительно прошу Вас сместить.

Очень и очень надеюсь, что Вы эту просьбу исполните и абсолютного мира с Харьковским ЦИК достигнете. Тут нужен архитаткт национальный...

Жму крепко руку. Ваш Ленин».

лову не приходило отдавать Областному Совету какие-либо распоряжения. Но с переездом Советского правительства Украины в Киев ситуация изменилась, и теперь, пусть пока ещё и формально, Народный секретариат, как высший орган Советской власти в Украине, был вправе отдавать распоряжения и контролировать действия любых и всех Советов Республики. Конечно же, в первые дни далеко не все готовы были безоговорочно это принять, и иерархические отношения между Советами разных уровней только лишь начинали выстраиваться¹⁸⁶. Но то, что ЦИК Ук будет постепенно прибирать Советы к своим рукам и заявленное право на властные полномочия постарается как можно скорее воплотить в жизнь, не вызвало никаких сомнений.

Именно так, во всяком случае, расценили заявление ЦИК Ук в Харькове. Прекрасно понимая, что не признавать далее Советское правительство Украины теперь уже невозможно, «харьковские товарищи» в то же время подчиниться людям, которых едва ли не третировали, не желали категорически. Ощувив реальную угрозу ещё и до переезда ЦИК Ук в Киев, они действовали решительно и смело, и способ для выхода из создавшейся ситуации нашли наиболее радикальный.

Ещё при Керенском в условиях, когда уже невозможно было препятствовать суверенизации Украины, некоторые чиновники предлагали премьер-министру ограничить заранее её территорию и объявить восточные губернии российскими. Именно эту, казалось бы, давно сошедшую на нет идею, попытался использовать в своих целях исполком Харьковского Совета.

Во второй половине января в Харькове в гостинице «Метрополь» состоялось совещание представителей областной власти и партийных работников, на котором было принято принципиальное решение о создании Донецко-Криворожской республи-

¹⁸⁶ «Собрать, склеить, скрепить государственный аппарат, – вспоминает Д. Эрдэ, – задача, требующая не дней и недель, а месяцев. Поэтому естественно, что за короткое время пребывания в Киеве были созданы лишь отдельные, слабо работающие учреждения, хотя народные секретариаты (комиссары) пытались развернуть свою работу сейчас же после перехода власти к советам».

ки¹⁸⁷. При этом, разумеется, оно мотивировалось не властными амбициями, а желанием выделить промышленные области, которые, якобы, как в экономическом, так и в социальном плане резко отличались от прилегающих аграрных территорий Украины¹⁸⁸.

Впрочем, мало кто из современников сомневался в истинных причинах, подвигнувших «харьковских товарищей». Антонов-Овсеенко напоминал, что харьковские большевики и советские работники «были безгласны по отношению к III Универсалу Центральной Рады, которым и Харьковская, и Екатеринославская губернии объявлялись входящими в Украинскую На-

¹⁸⁷ «Собрание, – вспоминает Л. Эрдэ, – открыл тов. Артём, отметив цель и задачи организации Криворожской республики и особо подчеркнув необходимость организации пролетарской власти – власти советов, вокруг и под руководством которой объединялось бы крестьянство...»

Насколько мне помнится, предложение тов. Артёма не встретило особых возражений, и тут же был намечен состав Совнаркома: председатель – т. Артём (он же председатель областного совета народного хозяйства), втудел – т. Васильченко, просвещения – т. Жаков, юстиции – т. Филов, по военным делам – т. Рухимович, заместителем его – т. Руднев, финансов, если не ошибаюсь, – т. В. Межлаук, контроля – т. Каменский, труда – т. Магидов.

За работу все взялись немедленно...»

Не протестовали и харьковские большевики. «На партийной областн. конференции, – пишет Е. Бош, – вскоре после Всеукраинского съезда Советов, группа товарищей во главе с Эпштейном-Яковлевым предложила резолюцию за выделение Донец.-Криворож. области и настаивала на ней. После долгих споров, главным образом с краевым парткомитетом, сколько помнится, приняли компромиссное решение...»

¹⁸⁸ «Оппозиционное отношение к ЦИК Советов Украины со стороны группы товарищей, – пишет Е. Бош, – объяснялось установившимся в верхах Донецк.-Криворожск. и Харьковск. парторганизаций взглядом, что между промышленной и Донец.-Криворож. областью и крестьянской Украиной нет и не может быть никаких общих интересов. Товарищи видели экономическую связь Донецко-Криворожской области с Россией, а национальное единство Украины ими рассматривалось как пережиток старого, сохранившийся в умах националистов. И если с большой натяжкой соглашались признать Украину как автономное государство, *входящее в РСФСР*, то уж ни в коем случае не включая Донецко-Криворож. область в территорию Украины... Партийная дисциплина требовала подчинения, и товарищи не вели открытой агитации, но во всех своих действиях не скрывали своего отношения и в партийных рядах старались провести решение за образование Донецко-Криворожской Советской республики».

родную Республику¹⁸⁹», но поспешили выделиться, едва лишь Киев был занят советскими войсками. «Положение оставалось неопределённым, – писал он. – Оно вряд ли улучшилось после того, как на новом съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов... было постановлено – образовать из этих районов самостоятельную республику, со своим Советом Народных Комиссаров.

Это отделение рабочих районов от Украины как раз в момент, когда её Советское правительство в Киеве особенно нуждалось в политической и организационной поддержке (выступление против Центральной Рады на Брест-Литовских переговорах с немцами) мне представляется и до сих пор серьёзным государственным промахом. Но Харьковским и Екатеринославским товарищам, всё время враждовавшим с «Цикукой» и, по её образованию, повернувшем фронт в сторону великодержавности, – удалось на этот раз убедить Совнарком в правильности своей линии».

Каким непостижимым образом удалось скорее даже не убедить, а поставить перед свершившимся фактом Петроград, остаётся загадкой. Весьма вероятно, решающее значение играло личное участие Артёма. Помимо этого лояльное поначалу отношение к инициативе харьковчан со стороны СНК может быть объяснено и рядом других весомых факторов. Слабостью ЦИКУк, неясностью обстановки и традиционной политикой Ленина¹⁹⁰, заключавшейся в том, чтобы, при бескомпромиссной ожесточённой борьбе «на уничтожение» с явными врагами в то же время, избегать *до поры* конфликтов с разнообразными

¹⁸⁹ III Универсал определял границы УНР следующим образом: «К территории Украинской народной республики принадлежат земли, заселённые в большинстве украинцами: Киевщина, Подолия, Волянь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное установление границ Украинской народной республики, как относительно присоединения населённых в большинстве украинцами частей Курщины, Воронежчины, Холмщины, *так и других смежных губерний*, должно последовать в соглашении с организованною волею народов».

¹⁹⁰ Справедливости ради следует отметить, что с развитием наступления немцев на Украину, Ленин изменил свою точку зрения и о создании Донецко-Криворожской республики высказывался резко отрицательно.

многочисленными «попутчиками» и «временно заблуждавшимися товарищами».

С 27 по 31 января в Харькове проходил IV съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. Выступивший с докладом о предполагаемом организации власти С.Ф. Васильченко огласил своё видение будущего государственного устройства: «По мере укрепления Советской власти на местах федерации Российских Социалистических Республик будут строиться не по национальным признакам, а по особенностям экономическо-хозяйственного быта. Такой самодовлеющей в хозяйственном отношении единицей является Донецкий и Криворожский бассейн. Донецкая республика может стать образцом социалистического хозяйства для других республик...»

В конце своей речи докладчик обратился к делегатам съезда с предложением объявить о создании Донецко-Криворожской Советской республики. Его поддержал Артём, и съезд большинством голосов принял соответствующее решение. При этом в территориальный состав вновь образованной республики были включены: Екатеринославская, Харьковская и часть Херсонской губернии, а также часть территории Области войска Донского с городами Ростовом, Нахичеванью, Таганрогом и Новочеркасском¹⁹¹. 1(14) февраля в точном соответствии с намеченным ранее персональным составом был образован республиканский СНК.

В несколько дней возникла значительных размеров автономия со своими институтами управления и своим правительством. И пусть введённые в её состав земли Донского войска предстояло ещё завоевать, пусть в ряде мест и местечек население так и не узнало, к какому территориальному образованию оно было отнесено, Донецко-Криворожская республика

¹⁹¹ Если присоединение Ростовского и Таганрогского округов, входивших в XIX в. (до 1887 г.) в состав Екатеринославской губернии, ещё могло быть хоть как-то обосновано, то Новочеркасск отнесли к Донецко-Криворожской республике совершенно произвольно. Любопытно, что на момент образования новой республики добровольцы всё ещё удерживали Ростов, а Войсковое правительство – Новочеркасск.

существовала до самого прихода немцев не только формально, но и по факту.

И первым это почувствовал Антонов-Овсеенко. Вновь назначенный нарком по внутренним делам С.Ф. Васильченко¹⁹² потребовал от него ровно того же, чего до отъезда в Киев добивался Народный секретариат: убрать «назначенцев» из уездов и с железной дороги, а также распустить только лишь созданные комиссии смешанного с ЦИК Ук состава. Поскольку Петроград действия «харьковских товарищей», закреплённые съездом, не опротестовал, Антонову-Овсеенко приходилось со всем этим считаться, искать и находить новые, учитывающие создающуюся ситуацию, компромиссы.

Вскоре случился эпизод, позволяющий судить об амбициях правящей верхушки вновь образованной республики. «Тотчас же по занятии нами Ростова, – пишет Антонов-Овсеенко, – я получил от областного совета Наркомов Донбасса и Криворожья извещение о введении налога на буржуазию в размере 4.200.000 рублей, причём мне поручалось взыскать в Ростове 10 миллионов и столько же в Новочеркасске. Хотя я не сомневался в том, что Новочеркасск никаким порядком отнести к Донецкому бассейну нельзя, да и положение Ростова в этом смысле было, по меньшей мере, спорным, но эта решительность в вопросах налогового обложения мне была по нутру...»

Неудивительно, что после подобных «налоговых обложений» в Ростове, в конце концов, сочли необходимым образовать свою автономию – Донскую Советскую республику.

Но все эти, в общем-то, незначительные попытки потянуть одеяло на себя вскоре отошли на задний план перед куда более значимым фактором. По Украине медленно, но неудержимо продвигались на восток немцы. И на каком рубеже они остановятся, не знал никто.

¹⁹² Вскоре после взятия Ростова Донское бюро РСДРП(б) вернулось в город. Любопытно, что уже 22 февраля (7 марта) на заседании временного Ростово-Нахичеванского большевистского комитета С.Ф. Васильченко был избран в президиум. Позже, когда занятие немцами Донбасса стало неизбежным, он окончательно перебрался в Ростов.